

Понятие «концепт», его сущность, границы и целесообразность применения при анализе художественного произведения*

19 апреля 2008 года

Уфа, Музей современного искусства РБ
им. Н. Латфуллина

Б. В. Орехов (к.ф.н., ст. преп. каф. зарубежной литературы и страноведения БГПУ им. М. Акмуллы), **Е. А. Слободян** (к.ф.н., ст. преп. каф. журналистики ВЭГУ, ст. преп. каф. русского языка БГПУ им. М. Акмуллы), **Ю. М. Камиллянова** (к.ф.н., доц. каф. литературоведения ВЭГУ), **М. С. Рыбина** (асс. каф. зарубежной литературы и страноведения БГПУ им. М. Акмуллы), **Л. А. Каракуц-Бородина** (к.ф.н., доц., зав. каф. журналистики ВЭГУ), **С. М. Шаулов** (к.ф.н., доц. каф. зарубежной литературы и страноведения БГПУ им. М. Акмуллы), **А. А. Галлямов** (к.ф.н., доц. каф. русской филологии БашГУ)

А. А. Галлямов: Я в данном случае скажу только о своих собственных проблемах, с которыми сталкиваешься, читая научную литературу. Сталкиваясь с каким-либо понятием, с каким-либо термином, чаще всего ловишь себя на мысли, что не понимаешь элементарных вещей: вроде бы, понятие тебе хорошо знакомо: словоупотребление, лексическая сочетаемость, круг слов, с которыми всё это связано, вроде бы, понятен, но совершенно не понимаешь, зачем автор употребил этот термин.

Б. В. Орехов: Можно реплику по этому поводу? Есть близкое по своей многозначности к концепту понятие «дискурс». М. Л. Гаспаров, которого мы не раз вспоминали на нашем семинаре, как-то сказал Р. Г. Лейбову, увлёкшемуся новомодной терминологией, что долго не понимал, что это за «дискурс» такой, но нашёл для себя очень хороший расшифровывающий ключ. Нужно каждый раз, когда читаешь, слово «дискурс» заменять на «болтовня», и всё

* Стенограмма впервые опубликована: Понятие «концепт», его сущность, границы и целесообразность применения при анализе художественного произведения (стенограмма заседания филолого-методологического семинара «Третье литературоведение») [Текст] / Сост. Б. В. Орехов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2008. — №4. — С. 87—98.

становится на свои места¹.

А. А. Галлямов: У меня приблизительно то же самое, но я со студенческих лет знал, что у Рене Декарта «Рассуждение о методе» по-французски называется «Discours de la méthode». И всё время думал: «Почему “дискурс”? Почему не просто “рассуждение”, или “разговор”, или “беседа”?» Приблизительно то же самое было с термином «концепт». Поскольку я увлекался и по сей день продолжаю увлекаться этимологией, тут же попытался разложить это слово, взял словари, выяснилось, что слово «концепт» происходит от древнелатинского (то, что латынь древний язык — это мы и так знаем, но у него там ещё своё более древнее состояние имелось) сочетания приставки *con-* и глагола *serere*. Латинское *con-* соответствует русскому предлогу и русской приставке *с*, а *serere* (1 sg. *sero*) соответствует русскому глаголу «цеплять»: ‘зацепка’. Фактически «концепт» означает не более чем ‘зацепка’. В других терминах его можно перевести как синоним греческого слова *θεσις*. То есть концепт — это некоторое утверждение, которое нам нужно доказывать или опровергать, ведь чтобы начать разговаривать, нам нужно за что-то зацепиться. На пустом месте мы не можем рассуждать. Я подхожу к этому термину чисто этимологически. Когда я слышу «концепт», я всегда начинаю выискивать, за что говорящий цепляется, чтобы дальше рассуждать. И вдруг обнаруживается, что *зацепки* почти никогда не бывает. Говорящий исходит из термина, который встречался у одного, у другого, у третьего автора, и начинает выводить какие-то новые значения. В настоящее время употребление термина «концепт» утратило связь со своими историческими корнями.

Б. В. Орехов: То есть это симулякр?

А. А. Галлямов: Да, скорее всего, это симулякр. Приблизительно так же, как слово «дискурс». Здесь складывается ещё одна ситуация. Поскольку все мы появлялись в определённой культурно-исторической среде, употребление термина накладывает на участников процесса какие-то обязательства. Поскольку ты здесь родился, ты просто должен употреблять этот термин. Вы, слава Богу, это не застали, а мы это как раз ещё застали, когда пишешь курсовую работу, убейся об стену, но цитату из Ленина найди. Или из Маркса.

С. М. Шаулов: Или не употреблять какой-нибудь термин. Например, не говорите «барокко». Вот вы пишете про барокко, но «барокко» не употребляйте.

А. А. Галлямов: Да. На Ницше и прочих ссылаться нельзя. Множество синонимов, но самого слова нет.

¹ *Лейбов, Р.* Бессрочная ссылка. Выпуск от 18 мая 1998 года [Электронный документ] // <http://old.russ.ru/ssylka/98-05-18.htm>

Б. В. Орехов: В прошлый раз мы как раз говорили про «Универсум» как раз в этом смысле.

А. А. Галлямов: И у Лихачёва, и у Аскольдова употребление термина «концепт» идёт от средневекового понятия *conceptum*, когда слово «концепт» стало означать ещё и ‘зачатие’. То есть концепт — это объект, который начинает новую область бытия. В Средневековье тут начинался спор между номиналистами и реалистами. То есть, на мой взгляд, нужно исходить не из различий тех или иных подходов разных исследователей, взгляды которых мы стараемся либо прояснить, либо оправдать, а исходить из некоторых данностей, которые обойти просто невозможно. То есть действовать вопреки распространившейся в настоящее время практике. Иначе говоря: если можешь молчать, молчи. Если можешь не писать, не пиши. Можешь не употреблять термин «концепт» — не употребляй. Дипломница у меня спросила: «А можно как-нибудь сюда вставить слово “концепт”?» Я спросил: «Зачем?» — «Все говорят: “когнитивная лингвистика”, требуют». Я: «Можешь не писать — не пиши». Человек знает: если не употребишь в своём выступлении тех или иных слов, ласкающих душу членов экзаменационной комиссии, то...

С. М. Шаулов: ...ненаучно получится.

(смех)

А. А. Галлямов: Если подходить с этой точки зрения, оказывается, что обязательно есть некоторая область бытия, некоторая данность, некоторое положение, обойтись без которых никак не получается. Поэтому исходить, может быть, следует не из каких-то тонких материй, а исходить из того, без чего обойтись просто никак нельзя. И в этом случае мы что получаем? Любое живое существо, которое есть на земле, занято, в общем, только одной задачей: обеспечением гомеостаза, который достигается с помощью, во-первых, обеспечения личной целостности и безопасности, и во-вторых, воплощением в потомстве. Все мы, в общем-то, только этим и заняты.

Б. В. Орехов: И концепт нам не нужен?

А. А. Галлямов: В общем-то, да. Но здесь очень интересная вещь получается. Грубо говоря, мы начинаем не с выстраивания отношений с окружающим миром, а с того, что едим, пьём, рожаем детей. Всё остальное — несущественные детали, так получается. Как мне представляется, концепты — это некие конструкты, эволюционно развившиеся из необходимости мгновенной оценки некоторой целостной ситуации во всём многообразии. Это не логически выстраивается. Это очень хорошо видно на примере нашей оценки картин. Дело в том, что если зафиксировать движение глаз человека, который смотрит картину, то вырисовывается очень интересная деталь: он всегда движется по плоскости картины в форме буквы «Z», то есть осуществляет общую оценку, а уже потом сосредотачивается на главном. То

есть человек оценивает ситуацию в целостности, он не логически рассуждает. Когда перед ним либо кролик, либо волк, от него требуется либо успеть убежать, либо успеть схватить. Логика появляется только тогда, когда ты уже сыт, когда ты в безопасности, тогда уже можно включить сознание и порассуждать на тему «есть Бог или нет Бога», а в условиях экстремальных от тебя требуется мгновенно оценить ситуацию. Мне кажется, термин «концепт» применим именно к этого рода ситуациям. То есть концепт — это некоторая область бытия, которая исторически сложилась в условиях, когда любое живое существо должно мгновенно оценить ситуацию. Вот эта целостность и есть концепт.

Б. В. Орехов: Но это всё можно и по-другому назвать?

А. А. Галлямов: Можно и по-другому назвать, да. То есть это не результат индукции. Я сомневаюсь, что можно получить общее представление индуктивным путём (сколько попыток ни было в истории философии... Декарт же не случайно разделил область духа и область материи), сколько бы последовательными мы при этом ни были. Сомневаюсь я потому, что живу уже в другую эпоху. Как писал Есенин, «и чувствую и мыслю по-иному». Точно так же я отношусь к возможности выведения частного определения из некоторых общих утверждений. Всё это частности, которые возникают только в определённой ситуации. Если же брать ситуацию как целое, то все эти наши подходы (дедуктивный и индуктивный) перестают работать. Это одна из причин, почему математика в целом ряде областей не работает. Она работает только в том случае, когда мы добились уничтожения качественной определённости предмета. Это элементарно показать: формула $2+2=4$ работает только в том случае, если те объекты, которые мы складываем, перестают быть самими собой. Вот тогда математика начинает работать (*рассматривает в ряд лист бумаги, диктофон, бутылку коньяка, шариковую ручку*). Вот из этого мы четыре не получим. Для того чтобы получить, их нужно уничтожить, оставив только точки в пространстве.

Б. В. Орехов: Нет, давайте лучше не будем уничтожать.

(смех)

А. А. Галлямов: К тому же это выстроить нужно в линейную цепочку. Когда мы выстроили объекты в линию, остались только точки, эти точки отличаются только лишь положением на этой произвольно выбранной нами системе координат, тогда действительно, $2+2=4$ получается. То есть математика начинает работать только тогда, когда...

Б. В. Орехов: ...перед нами абстракция.

А. А. Галлямов: Приблизительно то же самое происходит с концептом. Пока это абстрактное явление, его можно изучать, анализировать, но когда мы попытаемся применить, вдруг всё начинает рассыпаться. И получается почти что по Марксу. У него очень интересная статья есть: «18 брюмера Луи

Бонапарта», и там он говорит, что чиновник вопрос «Хорошо ли идут дела во вверенном ему крае?» воспринимает не в той форме, в которой он задан, а как вопрос, хорошо ли он управляет этим краем. Поэтому нужно попытаться отказаться от этих личностных пониманий, и тогда у нас получается следующее. Концепт — это некоторое предосознание некоторой новой области бытия, складывающейся в результате нашей деятельности.

Б. В. Орехов: А новое — по отношению к чему?

А. А. Галлямов: По отношению к тому, что было. В результате нашей деятельности появляется что-то новое.

Б. В. Орехов: Я спрашиваю потому что есть мнение, что концепт — это некоторая константа культуры. А константа — это не новация.

А. А. Галлямов: Константа в том смысле, что (если взять опять эволюционный подход) мы оцениваем не последовательно, а целостно в рамках некоторого пространственно-временного бытия. Любой человек как существо полиморфное, существующее в разных ипостасях, всегда производит что-то новое. Это новое воспринимать следует как концепт.

Б. В. Орехов: «Новое» меня лично очень смущает. Коллеги, кто как ощущает относительно своей языковой компетенции? Так ли функционирует слово концепт в тех текстах, которые вам приходилось читать?

А. А. Галлямов: А в текстах по-другому.

Б. В. Орехов: То есть Вы предлагаете прескриптивную модель?

А. А. Галлямов: Да.

Б. В. Орехов: Ясно, значит, это Ваша концепция концепта, и её вовсе не нужно сопоставлять с существующими определениями, со Степановым, например.

А. А. Галлямов: Ну, у Степанова понятие «концепт» сводится к значению. Обобщённое значение.

Ю. М. Камильянова: Там не совсем так. Там довольно чётко сказано (хотя это тоже достаточно абстрактно), что это «сгусток культуры». Достаточно метафорически. Но, с другой стороны, его словарь «Константы русской культуры» сделан по определённой схеме, она довольно логичная, удобная для того, чтобы с ней работали, как лингвисты, так и литературоведы. Предполагается, что подобная схема может расширяться, дополняться. Вчера только мы стали свидетелями того, как на открытом занятии у Любови Анатольевны <Каракуц-Бородиной> разбиралась тема концепта, и студенты при помощи анализа статей, в которых отражено — можно, конечно, сорваться на слово «понятие», но всё-таки будем говорить «концепт» — расширяли то значение концепта («рука», «нога», «голова»), которое уже существовало. То есть это такая копилка, которая может всё время пополняться. И поскольку раньше не было термина «концепт», думается, его достаточно удобно применять. Не скажешь «копилка», не скажешь «понятие»,

потому что оно несколько уже концепта. Существует целый пласт исследований, и отказаться от термина «концепт» уже невозможно.

Б. В. Орехов: То есть нет аналога ни в одной терминологической традиции?

Ю. М. Камильянова: Честно говоря, я не знаю. Я не знаток.

С. М. Шаулов: Идя сюда я обнаружил, что я не представляю себе, что такое концепт. Сейчас я сидел, слушал, и мне показалось очень удачным как раз это понимать исходя из этимологии. Только что с чем сцеплено в концепте? Концепт — это некое структурное образование, где что-то с чем-то сцеплено. То течение, которое представляет, скажем, Кеведо, получило наименование концептизм уже давно. То есть человек мыслит концептами в поэзии. Как это работает?

Кто скажет, что такое жизнь? Молчат.
Оглядываю дней моих пожитки,
Истаяли времён счастливых слитки,
Сгорели дни мои, остался чад.

Что такое «концепт»? Концепт — это та в данном случае общая мысль автора о краткости и тщетности бытия — это, собственно, поэтический концепт, который, в принципе, здесь четыре раза повторяется на разные лады. То есть он может быть выражен всячески, а сам он является вот этим вот понятием, представлением, идеей, которая может иметь языковые выражения разные. В принципе, вот это и сцеплено. Сцеплены некий общий план, идея, которая вообще необязательно вербально выражается, она представляет собой некое переживание, чувственное представление, а выражается несколькими вербальными формулами. Весь сонет представляет собой вариации на эту тему.

Б. В. Орехов: То есть концепт — это не языковедческое понятие, оно существует на некоем ментальном уровне и может иметь различные формы репрезентации?

С. М. Шаулов: Да, как некий сгусток культуры. Хотя, наверное, есть и какое-то другое представление о жизни, и другой концепт возможен.

Б. В. Орехов: Вот это, как мне кажется, очень важная поправка, на которую я сначала не обратил внимания. Речь идёт о *con*-сцепке, а не зацепке. А это всё-таки несколько иное словообразовательное значение.

С. М. Шаулов: Честно говоря, я не проводил вот этих лингвистических изысканий, но студентам я так примерно и объясняю, что, вообще-то говоря, русский инструмент «цеп» и представляет собой эту опредмеченную форму концепта.

М. С. Рыбина: По поводу этимологии. В латинском языке было дано не-

сколько значений: 1. *capio, cēpi, captum, ere* — брать, взять, но также обдумывать, рассуждать и др. (119) Глагол *con-cipio, cēpi, ceptum, ere* — 1. собирать, принимать, отводить в трубы (Frontin, ок. 40-103 н.э.), вбирать в себя, поглощать (Т. Lucretius Carus ок. 98-55). Но уже во времена Цицерона и Овидия оно имело значение «зачать», «стать беременной»¹. «Историко-этимологический словарь французского языка» (A. Dauzat, J. Dubois, H. Mitterand) переводит латинский глагол *concipere* как *recevoir* — «получать, принимать», производным от латинского *concipere* стал французский глагол *concevoir* первое упоминание, которого в значении «стать беременной» зафиксировано в книге Иова (1130)². Термин «concept» от лат. *conceptus* закрепляет фигуративное значение ‘former une idée’ — задумывать, создавать представление, образ (1404). «Словарь старофранцузского языка» Греймаса в числе значений даёт и следующие: ‘нечто, что получается’³. Это как раз то, о чём говорили: «сгусток культуры» или некое понятие, некий воспринятый «культурный образ», который получает дальнейшую жизнь, то есть обрастает какими-то новыми подробностями, иначе уже переводится на индивидуальный язык. Но то, что в этом процессе не инновация на первом плане, а именно восприятие и последующая интерпретация, мне кажется, существенно. Я посмотрела Larousse (1994) и Petit Robert (1993), они дают сходный путь. В XIV веке концепт начинает употребляться для обозначения абстрактных понятий, то есть становится синонимом слов «идея» (*idée*), «понятие» (*conception*), «образ» (*objet conçu*), потом происходит разделение на «знак», «означающее» и некую «идею», а «концепт» является связующим звеном между ними⁴. Во всяком случае, во

¹ Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь [Текст] / И. Х. Дворецкий. — 3-е изд., испр. — М.: Рус.яз., 1986. — С.172.

² *Dictionnaire étymologique et historique du français* [Text] / A. Dauzat, J. Dubois, H. Mitterand. — Paris: Larousse, 1994. — P.173. «Исторический словарь французского языка» (1992) указывает на специфическую (терминологическую) сферу употребления слова «концепт» в сравнении с его общеупотребительными квазисинонимами «идея», «мысль». *Dictionnaire historique de la langue française*: 2 vol. [Text] / Sous la dir. A.Rey. — Paris, 1992. — vol.1. — P. 464.

³ Greimas, A. J. *Dictionnaire de l'ancien français* [Text] / A. J. Greimas. — Paris: Larousse, 1999. — P.120.

⁴ *Dictionnaire de la langue française-lexis* [Text]. — Paris: Larousse, 1994. — P.393, *Le Nouvel Petit Robert* [Text]. — Paris, 1993. — P. 429. *Trésor de la langue française*. *Dictionnaire de la langue du XIX et du XX siècles (1789–1960)* [Text]: 16 vol. — Paris : Centre National de la Recherche Scientifique. — NANCY, 1977. — vol.5. — P. 1234. Словарь Французской Академии указывает, что с XV века слово «концепт» употребляется в значении ‘рисунок’, ‘проект’, ‘замысел’, сохраняя при этом связь с этимологическим значением ‘порождение, воспроизведение потомства’, однако сферой его употребления остается «книжная

французском языке. Но, как мне показалось, практическая целесообразность концепта становится убедительной, когда осуществляется перевод, когда базовые понятия одной культуры перелагаются на язык другой, а интерпретация в этом случае часто бывает обусловлена собственной концептосферой. И это не отсутствие понимания на уровне слов, а именно переформулировка на уровне понятий, потому что рождается другая цепь ассоциаций, рождается другое прочтение, когда именно вот этот концепт заимствуется, но включается он в другую систему координат.

Ю. М. Камильянова: То, что Вежбицкая делает?

М. С. Рыбина: В общем-то, да.

А. А. Галлямов: Тогда возникает проблема, насколько мы вообще в состоянии перевести, наполняя перевод содержанием своей культуры.

М. С. Рыбина: А вот это как раз и свидетельствует о том, что всё-таки эти концепты существуют. Переводится «сухой остаток», но наполняется он потом снова уже иными коннотациями, ассоциативными связями, то есть встраивается в ту систему, которая существует в воспринимающей культуре. И это происходит практически бессознательно.

Б. В. Орехов: Мне тут очень понравилась как раз вот эта мысль о том, что не новация, а последующая интерпретация выступает на первый план. Ведь интерпретация родственна понятию категоризации. Если помните, как раз у Л. М. Васильева в статье «О понятиях и терминах когнитивной лингвистики» говорится, что концептуализация и категоризация — неразделимые процессы⁵.

А. А. Галлямов: Чтобы что-то категоризовалось, оно должно сначала существовать и впервые.

Б. В. Орехов: А насколько оно осознаётся как впервые существующее?

Ю. М. Камильянова: Вовсе необязательно.

Л. А. Каракуц-Бородина: Тут интересно обратиться к словам из разного рода фантастической литературы. Те же самые «бластеры». Концепт «бластер» есть, а вещей нет.

А. А. Галлямов: Когда мы говорим о концептах, мы говорим о системообразующих явлениях. Концепт «бластер» никогда не будет системообразующим. Само понятие «концепт» предполагает то, что оно является логически исходным.

Л. А. Каракуц-Бородина: В одном из пониманий слова «концепт».

культура» *Dictionnaire de l'Académie française* [Text]. — Paris: Imprimerie Nationale, 1992. — vol.1. — P.449.

⁵ *Васильев, Л. М.* О понятиях и терминах когнитивной лингвистики [Текст] / Л. М. Васильев // Исследования по семантике: Межвузовский научный сборник. — Уфа: РИО БашГУ, 2004. — Вып. 22. — С. 14.

А. А. Галлямов: В данном случае Вы размываете «концепт». Если концепт, то он должен быть логически исходным. Логически исходной точкой отсчёта. Это константа, культура на ней базируется, это исторически исходное понятие.

Л. А. Каракуц-Бородина: Здесь мы упираемся в проблему множественности пониманий термина «концепт» в науке — от философии до лингвистики.

А. А. Галлямов: Это приписывание концепту несвойственных ему значений. Либо мы его признаём как логически исходное, категориальное понятие. Мы же об этом хотим сказать, что концепт — всё-таки категория, наиболее широкое понятие. «Бластер» не является таковым.

Л. А. Каракуц-Бородина: А «нимфетка»?

А. А. Галлямов: В рамках определённой культурно-исторической среды только. Но не концепт культуры. То же самое и бластер. Почему и нимфетки, и научно-фантастическая литература не получили распространение в культуре в целом? Они каждый занимают свою область.

Л. А. Каракуц-Бородина, Ю. М. Камильянова: Это спорно.

М. С. Рыбина: Это действительно спорно, потому что тогда остаётся в культуре, кроме смехового начала?

(смех)

М. С. Рыбина: Я имею в виду народно-смеховое начало. Если мы будем везде его находить, если мы будем все культуры отсекал по принципу «это нерепрезентативно», мы вернёмся к аграрным циклам. Они репрезентативны. Но всегда ли?

Л. А. Каракуц-Бородина: Мне кажется, мы эту проблему сможем решить только говоря о какой-то шкале.

А. А. Галлямов: Насчёт «решить» — упаси Бог. В русском языке, слава Богу, есть совершенный и несовершенный вид. Есть проблемы, которые можно решать и решать. Решить их нельзя.

Л. А. Каракуц-Бородина: Мне кажется, логичен тот подход, который предполагает существование универсальных, что называется концептов. Я забыла, у кого это написано: о концептах можно говорить связанных с годичными — вот теми самыми — день—ночь. Во всех культурах, на всех языках, во всех широтах. Другое дело, что у кого-то есть полярный день, а кто-то об этом не представляет. Относительно национально-значимых, тех, которые у Вежбицкой называются универсалиями, типа души, судьбы, тоски и удали в русском — все знают, это, опять же, личное мнение, извините, Вежбицкой. Насчёт удали. У меня, например, как у носителя русского языка, такого ощущения нет, что это универсалия.

А. А. Галлямов: Так я, например, недавно узнал, что выражение «немецкое хлебосольство» было буквальным в Средневековье. Сейчас вот скажи

кому-нибудь «немецкое хлебосольство»!

Л. А. Каракуц-Бородина: Ну, насчёт вот этих сбоев, которые между языками, между культурами происходят, можно отдельную дискуссию устраивать. Далее, говорят об индивидуальных концептах. В структуре индивидуальной языковой личности у кого-то особенно значим, к той же нимфетке вернёмся. Вплоть до самых экстремальных мнений, как у того же Бабушкина, что, в принципе, за каждым словом стоит концепт, вплоть до «к», «в» и «на».

Б. В. Орехов: Вот как раз о чём Васильев пишет, что нету там концептов, по его мнению, потому что это всё дейксис¹.

Л. А. Каракуц-Бородина: Между прочим, по мнению Васильева (тут уж я позволю себе лирической отступление, сейчас буду хвастаться) до недавнего времени, концептов вообще не было. И вот на защите Анны Феликсовны Гершановой, автореферат чьей диссертации здесь лежит², Васильев после всех как раз крикнул, встал и опять высказался пространно и со вкусом в том смысле, что все эти концепты ерунда, и ничего подобного в жизни не существует. И тут я как-то осмелела, может быть, потому что я уже не работала в университете, я вышла и сказала: Леонид Михайлович, а не Вы ли нас учили про то, что существуют языковые значения и речевые смыслы, и вот эта система речевых смыслов, по сути, и сплетается в концепт. А кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания, которая сидела там на задних партах, прямо вздохнула с таким облегчением счастья в этот момент. Больше почему-то ничего не говорил Васильев, а вот спустя год он написал эту статью³. А до того он очень жёстко стоял на том, что концептов нет.

А. А. Галлямов: Ну, тогда и получается, что это проявления некоторых новых областей бытия, которые фиксируются нашим сознанием. Мне кажется, нам не нужно всё это противопоставлять, а просто существующие точки зрения обобщить.

Б. В. Орехов: Мы проследили исторический путь. У нас ещё есть сообщение о том, как концепт в реальности функционирует в живой среде сейчас в языке. Это можно проследить на материале лингвистических корпусов, где собраны репрезентативные тексты. Елена Александровна Слободян оказала нам любезность и провела корпусное исследование по слову «концепт».

¹ Васильев, Л. М. О понятиях и терминах когнитивной лингвистики. — С. 14.

² Гершанова, А. Ф. Концепты «рай» и «ад» в языковой картине мира В. В. Набокова (по роману «Дар») [Текст] : Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. — Уфа, 2003.

³ Васильев, Л. М. О понятиях и терминах когнитивной лингвистики [Текст] / Л. М. Васильев // Исследования по семантике: Межвузовский научный сборник. — Уфа: РИО БашГУ, 2004. — Вып. 22. — С. 10—18.

Е. А. Слободян: Лексема «концепт» прочно вошла в научный обиход около 10 лет назад. Сотни работ посвящены анализу различных концептов русского языка, сравнению концептов в разных языках, теоретическому обоснованию понятий и терминов концептуальной лингвистики. Зададимся вопросом, какое же место занимает лексема «концепт» в «национальном» языке, языке людей, не отягощенных специальными знаниями в области лингвистики, какой смысл в нее вкладывается в обыденной, ненаучной речи.

Первое, что приходит в голову, при решении подобных проблем — это заглянуть в словарь. Как ни странно, лексемы «концепт» ни в одном из доступных нам словарей, отражающих изменения последних лет, не оказалось¹. Данные Национального корпуса русского языка² подтверждают тот факт, что лексема «концепт» употребляется в русском языке редко: поиск по точным формам обнаружил в Корпусе 79 документов и 149 контекстов. Это очень мало. Если включить лексико-грамматический поиск, то там будет примерно в два раза больше контекстов — около 300, но это всё равно очень мало. Общая семантическая картина употребления этого слова не меняется.

Все словоупотребления с лексемой «концепт» мы разделили на 4 группы. Первой и самой многочисленной (103 словоупотребления) оказалась группа словоупотреблений, относящихся к профессиональной сфере автомобиле- и, шире, машиностроения (производство автомобилей, самолетов и под.).

Л. А. Каракуц-Бородина: Студенты всегда спрашивают: «А *концепт-кар* — это про то?»

Е. А. Слободян: Лексема *концепт* сочетается с такими языковыми единицами: суффиксойд *-кар* (очевидно, от англ. *car*-машина), именами собственными-названиями моделей машин и механизмов, *-прототип*: **Конструкция *концепт-кара* отличалась целым рядом интегрированных средств безопасности, главным из которых был энергопоглощающий “противоударный пояс” вокруг кузова:** Борис Мурадов. Безопасность «полетов» // «Формула», 2001; *Концепт-кар Sky, новый концепт Jeep Compass:* Дмитрий Попов. А говорили кризис... // «Автопилот», 2002.02.15; *Впервые мы увидели этот автомобиль в виде концепт-прототипа на Парижском автосалоне 2000 года:* Николай Качурин. С рулем и ветрилами // «Автопилот», 2002.05.15.

¹ Современный словарь иностранных слов [Текст]. — М.: Цитадель, 2000, Словарь иностранных слов и выражений [Текст]. — Минск, 1999, Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика [Текст] / Под ред. Г. Н. Складневской. — М.: Эксмо, 2006, Новый толково-словообразовательный словарь русского языка [Текст] / под ред. Т. Ф. Ефремовой. — М., 2000.

² URL: <http://ruscorpora.ru/>

Естественно, подобные употребления встретились в литературе, посвященной машинам, оружию, авиации (журналы «За рулем», «Автопилот», «Зарубежное военное обозрение» и под.).

Вторая группа (17 словоупотреблений) представляет собой терминологические употребления слова. Встретились они в специальной литературе по лингвистике и литературоведению, среди авторов, употребивших слово *концепт*, мы встречаем Ю. Д. Апресяна, Е. В. Рахилину, В. Живова: *Если некий концепт выражается синонимичными лексемой и словосочетанием, лексема либо является канонической формой, либо ближе к ней, чем словосочетание*: Ю. Д. Апресян, Л. Л. Цинман. Перифразирование на компьютере (1999); *Интертекстуальность есть свойство литературы любой эпохи, однако эпохи различаются по тому, каким образом на эту интертекстуальность накладывается концепт индивидуального авторства. XVIII столетие — ни в русской литературе, ни в литературах западноевропейских — отнюдь не является апогеем анонимности*: Живов Виктор. XVIII век в работах Г. А. Гуковского, не загубленных советским хроносом (2000). Что же обозначает термин «концепт» для лингвистики и литературоведения, мы и пытаемся выяснить на данном семинаре, поэтому не буду делать преждевременные догадки насчет семантики словоупотребления лексемы в этой группе контекстов, а предлагаю это сделать вместе, подводя итоги семинара.

В следующих группах у меня лично возникает вопрос, зачем автор так сказал. «Что хотел сказать автор?»

Третья группа — это группа употреблений лексемы «концепт» в значении 'идея' (16 словоупотреблений): *Введенные Мерабом Мамардашвили понятия оказались необычайно живучими и, в каком-то смысле, конъюнктурными: в первую очередь, нужно отметить концепт «грузинской рыцарской легенды» <почему не «идею “грузинской рыцарской легенды”», я не поняла — Е. С.>, за которой, по словам Мамардашвили, никогда не стояло никакой объективной реальности (на то и легенда), но с помощью которой нация реально осознает самую себя: Заза Шатиришвили. «Старая» интеллигенция и «новые» интеллектуалы: грузинский опыт // «Неприкосновенный запас», 2003. Леонид Перловский в своей статье *Сознание, язык и математика* («Звезда», 2003) отмечает, что «слова идея, концепция, концепт, понятие используются в этой статье как синонимы». Подобные словоупотребления встретились в основном в публицистических произведениях и научных работах в области социологии («Лесное хозяйство», «Неприкосновенный запас», «Отечественные записки», И. М. Савельева, А. В. Полетаев. *Знание о прошлом: теория и история. Том 1: Конструирование прошлого* (2003), Н. Л. Захаров. *Система регуляторов социального действия российских государственных служащих (теоретико-социологический анализ)* (2002), Семинар «Базовые ценности и социальные установки: проблемы взаимодействия» // (2001.12.09) и под.). Видимо, в социологии тоже есть термин концепт.*

Самой интересной мне показалась четвертая группа, которая труднее всего поддается семантическому объяснению.

На примере этой группы словоупотреблений мы можем наблюдать тенден-

цию, отмеченную М. Кронгаузом¹, тенденцию к употреблению модного, но по смыслу абстрактного, а потому совершенно неинформативного слова. В этих контекстах лексема *концепт* употреблена скорее для того, чтобы речь звучала «круче», чтобы придать значимость собственной деятельности (не просто проект или идея, или задумка, а *концепт!*), то есть словоупотребление ради словоупотребления.

Б. В. Орехов: Таки симулякр?
(*всеобщий смех*)

Е. А. Слободян: Да. На месте этих словоупотреблений иноязычной по своему происхождению лексемы «концепт», которая, как видим, не утвердилась ещё в русском литературном языке, вполне возможным и даже более уместным было бы употребить исконно русские лексемы или вообще перестроить предложение. Вот, например, такие смешные контексты (они все там такие): *Скажите, пожалуйста, каков концепт вашего Театрального Центра, как он формулируется*: Интересные идеи надо уметь воплощать // «Театральная жизнь» (на наш взгляд здесь лучше употребить слово *концепция*), 2004.06.28; *Но концепт есть, идея есть, посыл правильный*: [STAPLES]. [Staples] // «Рекламный мир», 2003 (вообще непонятно, о чем идёт речь); *Можно, имея хороший концепт и шеф-повара, сделать хорошую кухню и интерьер, но сможем ли мы все это потом окупить?* Юлия Торгашева. Александр Терентьев ищет кухню // «Дело» (Самара), 2002.06.10 (опять же непонятно, что или кого надо ещё иметь, кроме шеф-повара); и даже *трехэтажный концепт-магазин нижнего белья*: Федор Павлов-Андреевич. По велению вестников // «Домовой», 2002.08.04.

Л. А. Каракуц-Бородина: Чего вы смеётесь? Выражение «концептуальный магазин».

М. С. Рыбина: Здесь сочетаемость хорошая: «трёхэтажный концепт».

Б. В. Орехов: Помните же у Пелевина есть рассказ, где вместо цензурных слов употребляются термины советской пропаганды².

Л. А. Каракуц-Бородина: «Май твоему урожаю»?

Б. В. Орехов: Да, «май твоему урожаю». А тут «трёхэтажный концепт».

М. С. Рыбина: Продолжение тоже порадовало: «магазин нижнего белья».

Л. А. Каракуц-Бородина: Но это не у нас в Уфе, да?

(*всеобщий смех*)

¹Кронгауз, М. Русский язык на грани нервного срыва [Текст] / М. Кронгауз. — М.: Знак: Языки славянских культур, 2007. — С. 36—39.

²Виктор Пелевин «День бульдозериста»: *Май его знает; Ты даёшь, мир твоему миру; Какого молота ты там высерпить хочешь?*

Е. А. Слободян: У нас я такого не видела. Также хочется отметить, что такие словоупотребления встречаются в основном в «гламурных» изданиях, в печатных источниках, повествующих о жизни «богема»: «Известия» (в статье о телевидении), «Театральная жизнь», «Рекламный мир», «Витрина читающей России», «Столица». Кронгауз как раз тоже отмечает большой массив лексики, которую он назвал «гламурной». «Концепт» туда тоже можно отнести.

Итак, как это видно из анализа словоупотреблений лексемы «концепт» по материалам НКРЯ, это слово не до конца еще освоено русским языком, и лично у нас существуют серьезные сомнения по поводу того, войдет ли оно в активный словарный запас носителя русского языка. Слово это функционирует в основном в узкой сфере как научный термин, профессионализм. Когда эта лексема употребляется в ненаучной речи (публицистической, разговорной), то это делается с целью создания впечатления серьезного научного дискурса. В тех же публицистических произведениях: Мой умысел состоит в том, чтобы обозначить Россию как более-менее устойчивый концепт, как предмет спора: Андрей Горных. Россия как дело вкуса // «Неприкосновенный запас», 2003. Почему бы не сказать «как более-менее устойчивую идею»? Слово «идея» всем понятно, всем знакомо.

Б. В. Орехов: Это аналог с прециозным языком, мне кажется.

Е. А. Слободян: Возможно. Или «концепт» употребляется просто с целью словоупотребления ради словоупотребления, от чего, конечно, язык и узус как саморегулирующиеся системы будут постепенно избавляться.

А. А. Галлямов: Кстати, по поводу «идея». Этимологически это означает то, что мы видим, 'видимое'.

С. М. Шаулов: Это просто не одно и то же: «Россия как идея» и «Россия как концепт». Когда «Россия как концепт», то тут и надо прицепить к идее некий набор компонентов, которые входят в этот самый концепт, как мы его себе представляем. Россия концептуальна: то-то, то-то, то-то, то-то, а вот это уже не надо. Идея же в данном случае — это что-то такое неопределённое.

М. С. Рыбина: Неструктурированное.

С. М. Шаулов: Именно.

А. А. Галлямов: Если подходить этимологически, то идея — особенно греческий «эйдос» — это то, что мы видим. Это видимое.

С. М. Шаулов: «Скирды солнца в водах лонных».

М. С. Рыбина: И потом сочетание «русская идея» имеет ещё определённые значения, рождает определённые ассоциации, от которых хотелось бы отказаться. Это не проговаривается, но это очевидно.

Л. А. Каракуц-Бородина: Интересно, когда именами концептов оказываются имена собственные. Где-то в Интернете мне попалась какая-то совершенно ненаучная статья по этому поводу, кажется, даже неавторизованная. Там был поставлен ряд очень интересных вопросов, совпадающих с теми, которые мы сейчас обсуждаем. И там было одно замечание. Как это объяснить научно — а,

кажется, это действительно достаточно хорошо ощущается — Америка концепт, а Финляндия — нет. Правда же? Разная степень концептуальности, что ли. В этом смысле концепт «Россия» — это да, это концепт.

Е. А. Слободян: А «старинная грузинская легенда»?

Л. А. Каракуц-Бородина: Там же было: Обломов — концепт, а Рудин — нет.

Ю. М. Камильянова: Значит существует ещё вопрос объёмности понятия, способного стать концептом? А также критерии, по которым определяется этот объём.

М. С. Рыбина: С точки зрения финнов, они тоже концепт.

С. М. Шаулов: Наверняка.

Ю. М. Камильянова: С моей точки зрения, например, тоже: Финляндия — концепт.

Б. В. Орехов: Лучше Бельгию какую-нибудь тогда.

М. С. Рыбина: Не надо про Бельгию! Это точно концепт. Там вообще сложные взаимоотношения двух языков. Уже это.

Ю. М. Камильянова: Субъективность в этом во всём присутствует.

М. С. Рыбина: Вот когда различия между значениями понятий и концепт оговаривают словари, они как раз подчёркивают, что понятия действительно абстрактные (те самые $2+2=4$), а концепт всегда включает интерпретацию, которая неизбежно субъективна. Вот этим отличаются концепт и понятие.

Л. А. Каракуц-Бородина: В этом смысле почему-то неожиданно много открыла для себя в старой книжке Верещагина и Костомарова «Лингвострановедческая теория слова»¹. Там они ни разу не называют слова «концепт», очевидно, оно тогда было непопулярным, но у них есть очень хорошее понятие «непонятийные доли значения». По идее, они так обозначают то, что обсуждаем мы, когда говорим о вот этом сгустке культуры. Они обсуждают это на примере понятия «школа». В англо-русском и русско-английском словарях будет одно и то же: «среднее учебное заведение». А вот этот их большой обеденный перерыв, в процессе которого они валяются на травке в школьном дворе, и едят свои завтраки, ланчи или что-то, принесённые с собой в коробках, которых у нас, по крайней мере, нету уже давно, это только у них, а вот учитель физкультуры, который мерзок и заставляет всех 28 раз присесть на одной ноге — это только у нас.

А. А. Галлямов: В таком случае, надо будет говорить, что понятие «концепт» включает и вот эти фоновые знания. Есть понятие дифференциального значения, а есть нечто, что ни к чему отнести нельзя, но без которого просто не существует. Вот это тогда и будет сцепление.

М. С. Рыбина: Да, получается сцепление. Возникает определённое ощущение, что некоторые слова на концепт «не тянут» или «тянут», по крайней мере,

¹ Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г. Лингвострановедческая теория слова [Текст] / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — М., 1980.

с большой натяжкой.

А. А. Галлямов: Актуальные в настоящее время и вместе с тем связь со всей историей культуры. Для того, чтобы быть константой культуры, эта связь, собственно, необходима.

Л. А. Каракуц-Бородина: Мне кажется, об этом говорили очень давно разными другими словами. Вот возник термин «фоновые знания», вот лингвострановедение, вот национально-специфические понятия, реалии культуры, в переводоведении в связи с этим проблема адекватности перевода.

Б. В. Орехов: То есть то, о чём мы говорили в начале, предстаёт в несколько ином свете: другие терминологические традиции представляют некий эквивалент термину «концепт». Вот к чему мы пришли, хотя сразу это не вспомнилось.

А. А. Галлямов: Вопрос был поставлен так: как это можно применить в литературоведении. Ответ, как мне кажется, может быть таким: в литературоведении это всё уже применяется. Использовать слово только потому, что всего его сейчас употребляют, особого смысла нет. Пытаться втиснуть в свою работу слово «концепт»...

С. М. Шаулов: Это и к любому другому слову относится.

(смех)

Б. В. Орехов: Можешь не писать — не пиши.

Е. А. Слободян: А вот как соотносятся понятия «концепт» и «образ» в литературоведении?

Б. В. Орехов: Да, кстати, мы сейчас затронули тему глубины. Мне это напомнило разницу между «образом» и «символом». Символ — это образ, но «очень глубокий».

А. А. Галлямов: Символ я тоже понимаю чисто этимологически.

Е. А. Слободян: Почему «концепт Обломов», а не «образ Обломова»?

М. С. Рыбина: Тут есть одно объяснение: и то, и другое слово — симулякры. Поэтому в этом смысле они равнозначны.

С. М. Шаулов: Образ — это в романе.

М. С. Рыбина: Да. А концепт — это когда роман уже входит в культурный фон, соотносится с бытовыми реалиями.

С. М. Шаулов: Он функционирует как словообразовательная единица: «обломовщина», «в лом» что-то делать.

А. А. Галлямов: Со словом образ: если опять пойти вглубь русского языка, образ — это «отражение». Там корень-то *-раз-*. Образ — это то, что отразилось.

Б. В. Орехов: Ну, и *резать*.

А. А. Галлямов: Ну, это ещё глубже если пойти.

М. С. Рыбина: А концепт — это то, что сцепилось. Есть связь.

С. М. Шаулов: Достоевский, вспомните, глагол «образить» приводит. Слово народное. Образ — это нечто единичное, содержащее в себе смысл, нечто пластически выразительное и занимающее место в хронотопе, в пространстве-времени.

Ю. М. Камильянова: «Образ» предполагает именно *художественный* образ.

С. М. Шаулов: Он может быть не обязательно художественным. Скажем, ваши воспоминания о каком-то человеке, которого вы себе представляете, — это тоже образ в сознании.

Б. В. Орехов: Как у Тютчева:

Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда.

Ю. М. Камильянова: Когда мы говорим об образе в литературоведении, мы предполагаем его художественность.

Б. В. Орехов: А для концепта — это не обязательно.

Ю. М. Камильянова: Для концепта абсолютно не обязательно.

С. М. Шаулов: Образ — это форма художественного мышления.

Ю. М. Камильянова: Просто абсолютно разные подходы. Концепт не предполагает анализа художественности.

С. М. Шаулов: Обломов как концепт существует в языке уже.

Е. А. Слободян: Входит ли это тогда в компетенцию литературоведения вообще?

С. М. Шаулов: «Обломов» как концепт входит в компетенцию лингвистики.

Ю. М. Камильянова: На мой взгляд, как литературоведа, концепт помогает находить вот это паритетное начало между лингвистикой и литературоведением.

Л. А. Каракуц-Бородина: Не только.

Ю. М. Камильянова: ...культурологией, философией.

Л. А. Каракуц-Бородина: Психологией.

М. С. Рыбина: Социологией.

Ю. М. Камильянова: Историей культуры, историей религии.

Л. А. Каракуц-Бородина: Чистые лингвисты, как Рейда Миргалеевна <Гайсина>, скажут вам, что статья Лихачёва¹ — это вообще не лингвистика.

Ю. М. Камильянова: А она и не лингвистика.

Е. А. Слободян: Он не претендовал.

Ю. М. Камильянова: Он ведь философские вещи берёт. Он говорит: «Термин «концептосфера» вводится мною по типу терминов В. И. Вернадского: ноосфера, биосфера и пр»². Заметим, что ноосферу не Вернадский придумал, этот термин раньше был создан, но тем не менее. Это к философии уже имеет отно-

¹ Лихачёв, Д. С. Концептосфера русского языка [Текст] / Д. С. Лихачёв // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. — М.: Наука, 1993. — Т. 52. № 1. — С. 3—9.

² Там же. — С. 9.

шение, если мы говорим о ноосфере и концептосфере, если предполагается, что есть какие-то ментальные объединения, в которые учёные (писатели, философы, деятели искусства и др.) проникают, когда начинают изучать какое-то явление.

Б. В. Орехов: То есть концепт нам нужен, когда мы чего-то междисциплинарного касаемся?

Ю. М. Камильянова: Я думаю, да. Причём это очень большое благо.

А. А. Галлямов: Может быть, и для представителей разных литературоведческих направлений. Есть некоторая общая база. Чтобы её выстроить, вот эта концептосфера литературоведения.

М. С. Рыбина: Пожалуй, всё-таки сравнительное литературоведение будет пользоваться этим термином в большей степени, потому что там это действительно становится очень актуальным. Системы разные, системы значений тоже разные.

Ю. М. Камильянова: В иноязычную культуру проще будет преподнести концепт *Обломов* и концепт *Онегин*.

А. А. Галлямов: Ну хорошо, мы концепт *Гобсек* внесли к себе.

М. С. Рыбина: А обмен между культурами и происходит как обмен концептами.

А. А. Галлямов: А насколько адекватно мы его восприняли?

М. С. Рыбина: С большими искажениями. Я люблю приводить этот пример: салат Оливье и винегрет по-французски называются русскими салатами.

А. А. Галлямов: К французской культуре отношения вообще не имеют.

М. С. Рыбина: Абсолютно.

Б. В. Орехов: Была идея по ходу заседания семинара сформулировать вопросы анкеты о концепте для отсутствующих здесь лингвистов. Но, кажется, мы сами во всём разобрались.

С. М. Шаулов: Можешь не спрашивать — не спрашивай.